
И. ЛЕМЕШКИН

*Бебрянь vs. *верчень/*берчать рукавъ¹

Плач Ярославны, традиционно выделяемый в составе «Слова о полку Игореве» (далее — «Слово»), состоит из четырех реплик вопленицы. Последние три составные части объединены общностью структуры и содержания: начинаются с обращения к силам природы («О вѣтрѣ, вѣтрило!»; «О Днепре Словутицю!»; «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!»), развиваются за счет риторических вопросов-жалоб («чему насильно вѣеши, мычеши стрѣлки?»; «чему простре лучю?») и просьбы («възлетѣй ладу»). Перечисленные средства выражения (voc., imperat., adv. inter.) в первом вопле Ярославны отсутствуют. Данное звено плача, не имеющее в тексте структурной аналогии, основано на глаголах в форме 1 л. ед. ч. буд. врем.: *полежю, оможю, утру*.

Рассматриваемый фрагмент «Слова» («Полежю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ») невелик по объему, однако сразу несколько лексем вызывает здесь ряд вопросов. Так, не вполне понятен денотат слова *зегзица*. То ли это кукушка, то ли ласточка или чайка. *Каяла* река интерпретируется и как реально-исторический гидроним, и как литературное средство, выражающее идею покаяния. Однако самые большие трудности вызывает словосочетание *бебрянь рукавъ*.

Считается, что *бебрянь* — имя прилагательное, обозначающее материал, используемый при изготовлении одежды. В качестве производящей основы рассматривается существительное *бебрь*. Далее в работах исследователей начинаются расхождения. Одни придерживаются мнения, будто *бебрянь* обозначает 'изготовленный из шкуры бобра'. Данная трактовка предполагает, что речь идет об окаймлении пушминой рукава женского платья. Другие исследователи вслед за Н. А. Мещерским² полагают, что *бебрь* имело значение 'ткань из шелка особой выделки'.³

¹ Данная статья появилась в рамках проекта Карлова университета *Progres-4: Jazyk v proměňách času, místa, kultury*.

² Мещерский Н. А. 1) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. ЛГУ. № 198. Л., 1956. Филол. ф-т. Сер. филол. наук. Вып. 24. С. 3–9; 2) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14.

Словоформы *бебрь* и *бебрь* (*беберъ*) в значении 'шелковая ткань' приведены в «Словаре русского языка XI—XVII вв.».⁴ Словарная статья содержит два примера словоупотребления, взятые из единственного источника — «Повести об Акире Премудром»: *И прияхъ сестригица своего Анадана въ сына мѣсто и младъ бѣ и дахъ одоити и въскорѣмѣхъ и медомъ и виномъ и одѣхъ и бебромъ и брагиномъ; Поими 1000 девиць целяди моя ... одѣвши а въ беберъ и бранину да мя оплатють.* Параллельные места в иноязычных версиях данной повести — «тонкое полотно и пурпур» (сирийский текст), «шелк и пурпур» (арабский), «виссон и пурпур» (армянский) — позволили Н. А. Мещерскому прийти к заключению, что др.-рус. *бебрь* соответствовало значению 'драгоценная, виссонная или тонкая полотняная ткань'.⁵ Прилагательное *бебряный* 'шелковый' в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» иллюстрируется тоже единичным примером, и это словосочетание *бебрянъ рукавъ* из «Слова», которое само нуждается в обосновании.

Помимо «Повести об Акире Премудром» Н. А. Мещерский привел пример похожего словоупотребления из «Истории Иудейской войны». Сочинение Иосифа Флавия содержит фрагмент: ...и вѣнѣе еоѹспасѣанъ с тѣтомъ вѣнчѣна вѣтми дафинными. и шельчена въ ризы прѣфинныя ... стаѣхѣ (воины) безъ оружѣа въ ризѣ багранѣи вѣнчѣни дафинны (Арх. 469v). Прилагательному *багранѣи* в греческом оригинале соответствует *στρομαῖς*, что позволило реконструировать предполагаемую форму в переводе домонгольского периода **бобранѣи* 'шелковых',⁶ которую передают некоторые более поздние списки Особой редакции «Истории Иудейской войны»: *бебрянях* (Волок.), *бѣбрьнах* (Сол.), *бѣбриянах* (Ак).

В связи с предположительной семантикой чрезвычайно редких словоформ считаем целесообразным обратить внимание на несколько аспектов.

Во-первых, *бебрь/бебрь* 'драгоценная, виссонная или тонкая полотняная ткань' и якобы производное от него *бебрянъ* фигурировали в одном и том же рукописном источнике. Имеем в виду Мусин-Пушкинский сборник, в котором как раз перед Словом (sic) читалась выше упомянутая «Повесть об Акире Премудром». Является ли данное редчайшее (см. изолему *мытъ* в «Слове») совпадение чисто спорадическим? Нужно считаться с возможностью, что переводная повесть в процессе появления конволюта оказала влияние на Слово. Копируя Повесть, переписчик узнал, что когда-то одевали *бебромъ* или *въ беберъ*. Несколько листов спустя он наткнулся на темное место. Выражение, каким-то образом характеризующее часть одежды (рукав), он прочитал как относительное прилагательное обозначающее

С. 43—48; 3) К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского языка (По материалам переводных произведений Киевского периода) // Византийский временник. М., 1958. Т. 13. С. 259—260.

³ Бебрян // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 вып. Вып. 1. (А—Г). М.; Л., 1965. С. 42.

⁴ [Бебрь] и Бебрь (Беберъ) // Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А—Б). М., 1975. С. 84.

⁵ Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». С. 44.

⁶ «История Иудейской войны» Иосифа Флавия / Древнерус. пер. М., 2004. Т. 1. С. 708.

материал (→ ‘из пушнины бобра’). Таким образом создатель Мусин-Пушкинского сборника под влиянием повести мог интерпретировать, возможно ассоциативно, непонятное ему выражение. Постпозиция «Слова» по отношению к «Повести об Акире Премудром», т. е. *бебромъ* — к *въ беберъ*, побуждает верифицировать форму *бебрянъ*.

Во-вторых, семантическое развитие ‘бобр’ → ‘гладкий как бобр’ → ‘шелк’ является мало убедительным. В. Г. Демьянов по этому поводу отмечает: «Трудно семантически связать с др.-русск. *бебръ* ‘бобр’ по ассоциации ‘шелковая ткань, гладкий как бобр’». ⁷ Данную позицию разделяет А. Е. Аникин: «Предполагается, что название меха было перенесено на ткань под влиянием хазар. *хаз* (см. в указанных трудах Мещерского). Однако существование такого слова вызывает сомнения. Семантические трудности не преодолены». ⁸ Без надежной восточнославянской этимологии слово *бебръ* ‘шелковая ткань’ В. Г. Демьяновым и А. Е. Аникиным рассматривается как заимствование пока что непонятого происхождения.

Интересное наблюдение содержится в неизданной работе В. М. Истрина, ⁹ на которую сослался Н. А. Мещерский. ¹⁰ Автор «Александрии русских хронографов» выдвинул предположение, что в греческом языке византийской эпохи существовало разговорное *ἀξιμάστιρ* или *ὄξιμάστιρ*. Вторая часть двусоставного слова *μάστιρ* предположительно обозначала ‘бобровый мех’, первая — могла иметь значение ‘острый, драгоценный’. Данное греческое слово, по мнению В. М. Истрина, отражает форма *аксикастеръ*. В своих размышлениях исследователь опирался на Волоколамский и другие списки Отдельной редакции «Истории Иудейской войны». В Хронографической редакции читаем: *ωδρз же вѣсть на нѣмъже лежаше, злата сѣха весь и с камениемъ драгимъ. и пастела акысѣкастеръ разноличенъ* (Арх. 380r). Н. А. Мещерский текст сегментировал несколько иначе: «акы си кастеръ разноличенъ». В греческом оригинале *акысѣкастеръ* или просто *кастеръ* соответствует *ἀλουρῦς* ‘драгоценный шелк, атлас’. Приведенная параллель, казалось бы, действительно выявляет смысловое совпадение ‘бобр’ — ‘шелк’, однако речь идет о потенциальном грецизме. В одном случае переводчик мог использовать оригинальную форму *аксикастеръ* или *кастеръ*. В другом случае он мог прибегнуть к неуклюжему семантическому калькированию. Встает однако принципиальный вопрос, до какой меры приведенные словоформы были свойственны древнерусскому языку?

Все немногочисленные примеры, долженствующие объяснить выражение *бебрянъ рукавъ*, взяты из переводных памятников. Их статус неясен. То ли это окказиональное заимствование иноязычной лексики, которая так и осталась на периферии книжного словоупотребления (в переводных памятниках), то ли элементарная ошибка, когда переводчик, не найдя в древ-

⁷ Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков: Проблемы морфологической адаптации. М., 2001. С. 335.

⁸ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3: (Бе—Болдыхать). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 21.

⁹ Рукопись неопубликованного исследования В. М. Истрина (Архив РАН, ф. 332, оп. 1, № 12).

¹⁰ Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». С. 44, сн. 6.

нерусском языке адекватного соответствия, перевел текст дословно. Будучи оригинальным произведением, Слово использует иной регистр древнерусского языка. В особенности это распространяется на плач Ярославны, где в рамках похоронно—поминального жанра книжным элементам в принципе не должно быть места. С какой стати Ярославне причитать в выражениях, известных только горстке переводчиков XI—XII вв.?

О живом древнерусском можно судить на основании новгородских берестяных грамот,¹¹ где исключительно подробно представлена лексика торговая, обозначающая товары в том числе используемые при изготовлении одежды. Субстантив *бобръ* (№ 193, 420) здесь представлен и с более древней огласовкой *бебръ* (№ 7, 600, 721). Во всех случаях словоформы с корневым *бебр-/бобр-* обозначают шкурку бобра, которой широко пользовались и как денежным средством (при взаиморасчетах) и как единицей налогообложения. Таким образом, данные берестяных грамот, как и весь остальной корпус древнерусских памятников, не дают оснований полагать, что в разговорном языке *бебръ* обозначало какую-либо ткань.

В-третьих, форма *бебрянъ* вызывает серьезные сомнения с точки зрения словообразования. Одним из первых на это обратил внимание В. Н. Перетц: «...„бебрян“ — у писаній та усній традиції не трапляється; звичайно — „бобровий“». ¹² Названия мехов образуются на базе притяжательных прилагательных. У *бобр-*, как и следовало ожидать у основы мужского морфологического рода, находим стандартный суффикс *-ов-*: *мех бобровый*. Проблематичное *бебрянъ* А. А. Пичхадзе обозначил как «нетривиальное образование с суффиксом *-ан-*», ¹³ что звучит как эвфемизм для банального *hapaх lego-тепон* (форма **бобрянныи* ‘шелковый’ в «Истории Иудейской войны» относится к числу реконструированных, причем за основу такой формальной и семантической реконструкции взята «параллель» из «Слова»). По имеющемуся в «Слове» контексту и по внутренней форме гапакс *бебрянъ* трудно признать прозрачным. Слово в таком морфемном оформлении и с приписываемым ему значением не укладывается в известные деривационные схемы древнерусского языка. Без надежных словообразовательных параллелей правомерно ставить вопрос о точности при воспроизведении текста древнерусскими книжниками или первыми издателями памятника.

Наконец, в-четвертых, далеко не все согласуется в плане содержания. Имеем в виду очевидные семантические натяжки, допускаемые при интерпретации *бебрянъ*. Если словосочетание *бебрянъ рукавъ* рассматривать безотносительно к контексту, то воссоздаваемое значение ‘бобровый рукав’ может показаться допустимым. Тем не менее подобное семантическое осмысление в поведении Ярославны вносит алогизм.

Княгиня заявляет о намерении омочить рукав в реке («омочю бебрянъ рукавъ въ Калялѣ рѣцѣ») и утереть им кровавые раны Игоря («утру князю кровавыя его раны»). Материал, из которого изготовлен рукав, таким образом, должен впитывать влагу, однако бобровый мех ценился и ценится

¹¹ См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004 (Studia philologica).

¹² Перетц В. Слово о полку Игоревім — пам’ятка феодальної України—Руси XII віку. Київ, 1926. С. 307.

¹³ «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. С. 29.

своими водоотталкивающими свойствами. Допустим, что в древнерусском языке существительное *бебръ* обозначало все же некую ткань. На чем основаны предположения, что данная материя была тонкой, как виссон?¹⁴ Только на основании косвенных свидетельств (переводах «Повести об Акире Премудром» А. Д. Григорьева, который не владел ни сирийским, ни арабским, ни армянским языками). На самом деле правомерно рассуждать об обратном.¹⁵ В русском языке XVIII—XX вв. засвидетельствовано слово *кастѳр* (фр. *castor* ← греч. *kastōr* ‘бобр’) — «толстая, тяжелая, плотная, хорошо уваленная чистощерстяная ткань с густым коротким сглаженным ворсом. Применяется, главным образом, для шитья шляп, зимних пальто, ведомственной одежды».¹⁶ Время и сфера бытования данного заимствования определяются с трудом. Это может быть галлицизм или/и грецизм (см. выше *акысыкастеръ* или *кастеръ* в «Истории Иудейской войны»). Важно другое. Лексическое заимствование и культурная реалья, которую оно обозначает, помогают отследить динамику семантического (метонимического) развития, которая с наибольшей степенью вероятия произошла в языке источника: ‘бобр’ → ‘бобровый пух’ → ‘пряжа с примесью борового пуха’ → ‘вид плотной ткани, сукно из бобровой шерсти’.¹⁷

Итак, предположим, что грецизм *кастеръ* был известен уже в Киевской Руси. Согласимся с тем, что грецизм проник в разговорный язык в виде семантической кальки. Допустим, что данная калька была оформлена в противоречии с законами словообразования древнерусского языка и т. д. Несмотря на все допущения, в итоге все равно сталкиваемся с семантическим противоречием, оксюморон. Княгиня Ярославна заявляет о желании воспользоваться материалом непригодным для ее нужд, ибо плотное касторное сукно (с примесью бобрового пуха) характеризуется несминаемостью и низким водопоглощением. С таким же неуспехом героиня могла воспользоваться бобровым мехом, войлоком или атласом.

Таким образом, распространенную интерпретацию *бебрянъ рукавъ* нельзя считать удовлетворительной. Сомнительное соотнесение с зоонимом *бобръ*, напоминающее прием народной этимологии, — всего лишь гипотеза, опирающаяся на целый ряд источниковедческих, формально-семантических лингвистических натяжек и допущений. Такая ситуация дает право и побуждает к поиску альтернативных решений.

В дальнейшем изложении будем исходить из предпосылки, что древнерусский книжник переосмыслил непонятное место «Слова», т. е. по своему

¹⁴ Сомнительно, что такая тончайшая, т. е. хрупкая, ткань вообще использовалась при пошиве рукавов.

¹⁵ О фактах, не укладывающихся в предлагаемую трактовку, Н. А. Мещерский предпочел умолчать.

¹⁶ Андреева Р. П. Энциклопедия моды. СПб., 1997. С. 192.

¹⁷ См.: «Касторовые шляпы, перчатки, будто бы из бобрового (речного бобра) пуха» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. Т. 2: И—О. М., 2001. С. 83); «Кастор использовался для производства шляп, перчаток и даже чулок. В отличие от обычных сукон, кастор имел ворс только на изнаночной, а не на лицевой стороне. Его изготавливали из пряжи с примесью бобрового или козьего пуха» (Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 107).

усмотрению изменил переписываемый источник. Восстанавливая испорченный текст, должно отдавать отчет, что любая предлагаемая конъектура не может считаться бесспорной, так как доказать правоту по более сохранному списку не представляется возможным. Конъектура выглядит более убедительно по сравнению с другой возможной конъектурой и с хрестоматийным чтением, когда вносит в текст большую ясность и, не требуя значительных изменений, имеет палеографическое обоснование. При этом необходимо объяснить, что подтолкнуло переписчика к «авторской» интерпретации оригинала. Наконец, моделируемый с помощью конъектуры текст должен находить параллели в типологически родственных памятниках.

Предпосылки появления формы *бебрянь* были рассмотрены выше. В Мусин-Пушкинском сборнике непосредственно перед «Словом» читалась «Повесть об Акире Премудром». Лексика переводного памятника (если не уникальная, то чрезвычайно редкая) показывает, в каком направлении шло лексическое уподобление. Одевание в бобра (*одѣхъ и бебромъ, одѣвши а въ беберъ*), по всей видимости, послужило импульсом к «правильному» истолкованию затруднительного фрагмента «Слова». Можно предположить, что графическая модификация сказалась в написании предполагаемого корня (т. е. *бебр-*). Сопоставление с *бебромъ* и *беберъ* говорит в пользу того, что на месте *бебрянь* находилась относительно краткая (6–7 графем) словоформа, которую переписчик воспринял как состоящую из двух слогов.

Корпус типологически родственных памятников, среди которых оправданно искать параллели к рассматриваемому фрагменту «Слова», ограничен. Учитывая похоронно-поминальный характер плача Ярославны, наше внимание в первую очередь должно быть сосредоточено на произведениях устной словесности. Желательно, чтобы тексты принадлежали традиционным жанрам фольклора, предшественникам и ровесникам «Слова». Данные произведения или их составные части должны изображать (факультативно) смерть мужского персонажа, а женский образ при этом должен манипулировать (облигаторно) рукавом своего платья. В конце концов необходимо, чтобы рукав имел эксплицитно выраженное качество, характеризующее при помощи определения.

Всем перечисленным критериям отвечает былина о Михаиле Потыке, известная в списках XVII–XVIII вв. и в записях фольклористов XIX–XX вв. Былина изображает, как Марья Лебедь Белая избавляется от мужа, хоронит или убивает его. Практически во всех регионах, где собиратели фольклора записывали былинку, изображается сцена волшебного превращения в камень¹⁸ — **Поневец**: Рыбн. № 113, Гильф. № 6; **Толвуй**: Гильф. № 39; **Киж**: Рыбн. № 28, 28 bis, Гильф. № 158, Гильф. № 150, Рыбн. № 218; **Пудога**: Рыбн. № 166, Гильф. № 52, Сок.-Чич. № 20, Пар.-Сойм. № 9; **Каргополье**: Рыбн. № 196, Гильф. № 40; **Поморье**: Марк. № 259, 281, Черн. № 47, РНП КП № 180; **Зимний Берег**: Марк. № 152, 100; **Кулой**: Григ. № 262, 272, 277; **Мезень**: Григ. № 333, 374.

¹⁸ За исключением Печоры, где была сделана одна-единственная запись (Онч. № 57).

Сюжетная составляющая, где Марья Лебедь Белая оборачивает Потыка «бел-горючь камнем», в перечисленных записях XIX—XX вв. изображается достаточно схематично. Героиня хватает и бросает мужа через плечо:¹⁹

Хватила Михайлу за желты кудри,
Тащила Михайлу во чисто поле,
Бросила Михайлу через плечо:
«Где был Михайла Потык сын
Иванович,
Тут стань беленький горючий белый
камешок!
Тут Михайла да окаменел».
(Рыбн. № 28)

Да поехал да Михайлушко во чисто
полё,
Оввернула де Овдотьюшка тогды
Михайлушка,
Ишше бросила Михайла в полё серым
камнём,
Ишше сама де поехала к городу
Задоньскому.
(Марк. № 152)

Как этая тут Марья лебедь белая
Взимала тут Михайлушку Потыка,
Как бросила Михайлу через плечо,
А бросила, сама выговариват:
«А где-то был удалой добрый молодец,
А стань-то бел горючий камешок,
А этот камешок пролежи да наверх
земли три году,
А через три году проди-ко он скрозь
матушку скрозь сыру землю».
(Гильф. № 52)

Выходила сама к Михайлу на
побыточьку,
А брала-де Михайла да за русы кудри,
Овёрнула ёго да серым камешком —
Сами уехали они да во цисто полё.
(Григ. № 374)

Подпала к коню багатырскому,
Спустила богатыря через плечо,
Сама ему приговаривает:
«Где был Михайла Потык Иванович,
Стань тут белый горючий камушек!»
Пал да и закаменел.
(Рыбн. № 113)

Выходила тут Марья да из бела шатра —
Овёрнула Михайлушка да серым
камешком.
Ишше тут-то Михаулушку славы поют:
«Не бывать-то Михайлушку да на
белом свету,
Не вудать-то Михайлушку да свету
белого!»
(Григ. № 333)

Материал, собранный фольклористами, показывает, как некоторые исполнители XIX—XX вв. переосмыслиют нарратив. Потыка «запечатывают» в найденный «сер-горючь камень» (Григ. № 272), «закладывают» внутрь камешка (Григ. № 277) и даже колотят богатыря камнем по щеке (Гильф. № 39). Тенденция к реинтерпретации колдовской сцены прослеживается и в одной записи XVIII в., где Лебедь Белая укладывает мужа «под белый камень» (БЗП № 41). Отдельно необходимо акцентировать динамику изменения былинной поэтики, предметно рассмотренную в работах Ю. А. Новикова. Постоянные эпитеты, некогда употребляемые в каждой второй строке былинного стиха, в XIX—XX вв. используются реже. Их арсенал существенно сужается, а целый ряд логических определений (архаизмов

¹⁹ Примеры, характеризующие онежско-каропольскую традицию, приведены слева, архангельско-беломорскую традицию — справа.

и историзмов), несущих информативную нагрузку, и вовсе выходит из употребления.²⁰

На этом фоне особняком стоят тексты былин, дошедшие до нас в рукописной традиции XVII—XVIII вв. Несмотря на то, что тексты былин записаны в пересказе (а не «с голоса», как того требовала фольклористика XIX—XX вв.), во многих отношениях они выглядят сохраннее. Особого внимания заслуживает полная редакция сказания о Потыке, отражающая онежско-каропольский извод былины. Сюда относятся три произведения: «Повесть о князе Владимире киевском и о богатырях киевских, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и о царе Кашею Залатою Арды» (БЗП № 37),²¹ «Сказание о трех богатырях земли светорусские — о Илье Муромце, о Иване Потоке, о Олеше Поповиче» (БЗП № 36)²² и «Сказание о трех богатырях — Илье Муромце, Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Паповиче» (БЗП № 38).²³ Оборачивание в камень присутствует в последних двух рукописных памятниках, датированных второй половиной XVIII в. Ошибки переписчиков свидетельствуют, что оба сказания восходят к более древнему списку.²⁴ К сожалению, дефектная «Повесть о князе Владимире киевском...», датированная второй половиной XVII в., обрывается незадолго до интересующего нас места.

«Крепкий приговор» в сказаниях изображен следующим образом:

БЗП № 36

И Лебедь Белая снимает с правой руки
бергат рукав, и завивает Михаилу оч
ясные, и ударила ничь рукою:
«Лежи ты, Михаила Поток Ивановичь,
во чистом поле камением».
И Михаилу вес окаменел.

БЗП № 38

И Лебедь Белая снимает с своей руки
верген рукав, и завивает Михаиле сон
ному ясны очи, ударила ево как рукою:
«Лежи, Михаила, в чистом поле белым
камением».
И Михаила окаменел.

Овчинниковская и Забелинская рукописи отличаются в способе обозначения рукава: *бергат* — *верген*. Какой вариант восходит к рукописному протографу, установить невозможно, да это, учитывая характер переписываемого источника, и не важно (с точки зрения фольклориста). Переписчики, знающие былину по ее устному бытованию, могли вносить не проти-

²⁰ Подробнее: Новиков Ю. А. 1) Эпический стиль: Традиция и новаторство // Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 69—91, 359—360; 2) Эпический лексикон и постоянные эпитеты // Новиков Ю. А. Динамика эпического канона: Из текстуальных наблюдений над былинами. Вильнюс, 2009. С. 217—224; 3) Эпитеты и логические определения в русском эпосе // Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения: Из текстуальных наблюдений над былинами. Вильнюс, 2013. С. 64—79.

²¹ РНБ, О.ХVII.44.

²² РГБ, ф. 209 (собр. П. А. Овчинникова), № 522.

²³ ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 536.

²⁴ Митрофанова В. В. Комментарии // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.: Л., 1960. С. 288, 290—291; Евгеньева А. П. Два новых текста XVIII в. былины о Михайле Потыке // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 483—496.

воречащие песенному инварианту альтернативные изменения,²⁵ поэтому определение *бергат* может функционировать как легитимный синоним слова *верген*.

Таким образом, в древнейших и наиболее полных записях рассматриваемой былины Марья Лебедь Белая снимает со своей руки берчат/верчен рукав и завивает Потыку глаза, после чего следует само превращение богатыря в камень (т. е. смерть героя). Мотив закрытия глаз был характерен для былинного прототипа. Доказательством служит текст, репрезентирующий иной, архангельско-беломорский, ареал бытования былины:

Отъвернула де Овдотьюшка Михайлушка,
Оввертела да ёго буйну да головушку
Ишше тем жо полотёнышком она беленьким.

(Марк. № 152, ср.: Марк. № 100)

В записи с Зимнего берега Белого моря (Ф. Т. Пономарев, с. Верхняя Зимняя Золотица) рукав замещен «полотёнышком», что вполне оправдано и закономерно. В «Слове» рукав Ярославны тоже выполняет функцию полотенца, платка (об этом ниже). В конце концов располагаем еще одним ценным эпическим артефактом, где полотенце или полотнище замещают рукав женского платья.

Имеем в виду составную часть сюжета «Добрыня Никитич и Алеша Попович» («Добрыня в отъезде», «Добрыня на свадьбе своей жены»), в фольклористике получившую название «Плач Добрыни». Диалогический по своему характеру плач-жалоба открывает (чаще всего в онежско-каропольской традиции) чрезвычайно популярную былину. Известно более 300 записей былины, интересующий нас фрагмент присутствует далеко не в каждом тексте. Часто на месте плача фигурирует просьба о благословении, часто «слезливый» эпизод, столь несвойственный суровому образу богатыря, и вовсе опускается из повествования.

В качестве примера приведем плач Добрыни в исполнении Абрама Чукова (Киж):

Ты свет государыня да родна матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного спорóдила?
Породила, государыня бы родна матушка,
Ты бы беленьким горячим меня камешком,
Завернула, государыня да родна матушка,
В тонкольняный было белый во рукавзигек,
Да вздынула, государыня да родна матушка,
Ты на высокоу на гору Сорочинскую
И спустила, государыня родна матушка,

²⁵ Этим, в частности, объясняются существенные отличия в деталях, из-за которых трудно установить текстологическую взаимозависимость между отдельными списками XVII–XVIII вв. В свое время это привело к предположению Б. Соколова о существовании «целого ряда промежуточных звеньев», не дошедших до наших дней.

Меня в Черное бы море, во Турецкое, —
 Я бы век там, Добрыня, во море лежал,
 Я отныне бы лежал да я бы до́ веку,
 Я не ездил бы, Добрыня, по чисту́ полю,
 Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
 Не проливал бы крови я напрасныя,
 Не слезил, Добрыня, отцов-матерей,
 Не вдовил бы я, Добрынюшка, мо́лых жен,
 Не спущал бы сиротать да малых детушек.

(Гильф. № 149)

Варианты седьмой строки («в тонкольняный было белый во рукавичек») укажем по другим записям песни:

завернула в тонкой в льняной во рукавичек	(Рыбн. № 27)
завернула бы во бело полотеньшко	(Рыбн. № 42)
вертела бы в рукавцы во рукавные	(Рыбн. № 155)
обвертела тонким беленьким рукавичком	(Гильф. № 5)
завернула бы в камочки во крушатые	(Гильф. № 23)
завертела бы Добрыню в тонко белое полотнище	(Гильф. № 38)
завертела бы во тонкой беленькой рукавичек	(Гильф. № 80)
завернула бы этот камешок в полотнушко	(Гильф. № 168)
завертела во тонко полотеньшко	(Гильф. № 206)
завернула бы в рукавичк в полотняный бы	(Аст. № 101)
завернула во белу камку	(Аст. № 168)
завернула бы этот камень в крушату камку	(Аст. № 178)
и свертела бы камень в травцят рукав	(Аст. № 180)
и т. д.	

Перечисленных примеров достаточно, чтобы проследить взаимосвязь между словосочетанием *верген рукав* и конструкцией *за-/об-/с-вертеть рукавом/полотенцем/полотном*. Сложнее объяснить природу данной взаимосвязи.

Причастие *верген* образовано от основы неопределенной формы переходного глагола несовершенного вида *вертеть*. Причастие страдательного залога прошедшего времени обозначает признак предмета (т. е. рукава), над которым было произведено некое действие. Словосочетание *верген рукав* обозначает определенное качество рукава — '(на)мотанный, (на-/за)крученный'. В плаче Добрыни *вертеть* управляет вин. пад. существительного со значением объекта. Данный объект (камень, буйна голова) заворачивается рукавом.

В плаче Добрыни словосочетание *верген рукав* возможно представить разве что в гипотетическом развитии плача. Например: *«Ты зачем меня несчастного породила? / Породила бы меня бел-горючим камешком, / Завернула в белый во рукавичек / И спустила бы *верген рукавгигек* во сине море». Однако в записи XVIII в. словосочетание использовано препозиционно: «снимает с своей руки *верген рукав*, и завивает Михаиле сонному ясны очи, ударила ево как рукою» (БЗП № 38). Учитывая изменения бы-

линной поэтики, можно предположить, что синтаксическая конструкция, известная нам по плачу Добрыни, развилась из словосочетания *верген рукав* после того, как возникли трудности с пониманием определения *верген*. Замещение рукава полотенцем или полотнищем иллюстрирует следующую стадию рационализации текста, обусловленную непониманием того, как можно что-то завернуть и отбросить в рукаве.

Нужно признать, что рассмотренные выше произведения по своему содержанию заметно отличаются от плача Ярославны. Действия княгини связаны с пиетическим оплакиванием мужа. В уста героини вкладываются слова, говорящие о желании вытереть кровавые раны на теле умирающего или умершего супруга, в то время как Марья Лебедь Белая, манипулируя тем же рукавом, стремится мужа погубить / похоронить. В жанровом отношении плачу Ярославны ближе плач Добрыни. В обоих случаях перед нами любопытная и уникальная инклюзия, когда похоронно-поминальная составляющая вклинивается в произведение восточнославянского героического эпоса (литературного и устно-поэтического). Использование сослагательного наклонения подчеркивает ламентационную установку былинного текста.²⁶ Можно предположить, что образ горяч камня, завернутого в рукав и отброшенного на дно морское, когда-то представлял один из мотивов в арсенале плакальщиц (как выразительное средство его можно представить в свадебных и в похоронных плачах): *«Уж лучше мне было не рожену(-ой) быть. — Лучше б родила меня камнем, / завернула в рукавчик, / бросила в море — век бы на дне лежал(-а), горя не горевал(-а)».

При всех отличиях (сюжетных) необходимо иметь в виду, что поэтика «Слова» является близкородственной поэтике героических песен. Особая близость прослеживается в использовании постоянных эпитетов, общих для былин и «Слова»: «чистое поле», «каменные горы», «синее море», «красные девы», «прекрасная девица», «серый волк», «борзый конь», «сизый орел», «лютый зверь», «раны кровавые», «стрелы каленые», «стрелы острые», «светлое солнце», «синий Дон», «поля широкие», «зелена трава», «черные тучи», «черный ворон», «поганный половчанин», «путины железные», «шеломы латинские», «мечи острые», «кровавые раны», «терем златоверхий», «веселые песни» и т. д. Именно по этой причине важно составить четкое представление о том, каков был эпический узус при употреблении существительного *рукав*. Здесь можно сделать несколько обобщений.

Во-первых, определения, обозначающие материал для пошива рукава, — явление не такое уж частое. Среди них мы не находим экзотических названий, отсылающих нас к пушным мехам. Рукав изображался *льняным*, *полотняным*, возможно, *камгатным*.²⁷ Признак рукава (идеализирующий)

²⁶ Устно-поэтический аналог первого вопля Ярославны имеет сослагательное наклонение. Например: «Как бы была я вольна пташеца, / Дак я б слетала бы через тридеветь озёрушков...» (М. Г. Алешина, 1923 г. р., Карелия, д. Пяльма). Запись 2004 г., д. Пяльма Пудожского р-на Республики Карелия. Доступно на сайте Пражского лингвистического кружка (архив, заседание 21.03.2016): <http://www.cerclodeprague.org/documents.php>

²⁷ В последнем случае учитываем замещение рукава названием материи (*рукав* → *камка*). Данное изменение могла стимулировать аллитерация: «завернула бы этот камень в крушату камку».

чаще выражает качественное прилагательное: *тонкий, беленький, травчатый, кручатый* и т. д.

Во-вторых, былинные тексты изображают женский рукав *съемным*, т. е. как нечто, что при необходимости можно снять и использовать по иному назначению: Марья Лебедь Белая снимает рукав и завивает мужу очи ясные (Потык окаменевае); мать Добрыни — завернув в рукав камень (богатыря), бросает его в море. Функция рукава при этом отождествляется с функцией полотенца, полотнища.

В-третьих, эпитет *бергат* 'узорный, узорчатый' в записи XVIII в. потенциально может функционировать как *epitheton ornans* (как, например, в Задошине: «пашутся хоригови берчати»). Однако, учитывая особенности словоупотребления («снимает с правой руки берчат рукав»), данный эпитет возможно трактовать и как *epitheton necessarium*. Эпитеты *бергат, верген*²⁸ с большой степенью вероятия обозначают определенный вида рукава, а именно — съемный, накладной (т. е. декоративный, внешний, находящийся поверх иного)²⁹ рукав женского платья.

По количеству графем и предполагаемых слогов словоформа *бебрянъ* близка определению *верген/бергат*. Совпадают отдельные графемы и их очередность. У *бергат* это первый слог *бе*, корневая сонорная выраженная буквой *р*, в суффиксе — графема, обозначающая йотированный *а*. Эпитет *верген*, как и форма *бебрянъ*, содержит суффикс с носовым согласным, графему *р*; в позиции начала слова наблюдается корреляция звонких шумных согласных *б*: *в*.

Секвенцию схожих элементов можно представить следующим образом: *ве-рген — бе-брян, бе-рчат — бе-брян*.

При всех совпадениях заметны и отличия, появление которых возможно поставить во взаимосвязь с использованием надстрочных букв. О. В. Творогов, рассматривая процесс редуцирования строчного написания, выделил отдельную группу, когда «выносилась буква *з*, а следующая за ней гласная *е* опускалась».³⁰ Таким образом, весьма правдоподобно, что интересующие нас лексемы имели форму написания с выносным *ч*: *вѣрѣнъ, вѣрѣтъ* (у *вѣрѣнъ* ср. *нарѣнъ, рѣ, изѣнныи, пѣ, обѣ, попѣние* и т. д.). Соответственно книжник при переписывании источника должен был восполнять пропущенную гласную (*ве-р^ч-н — бе-бр(*я)н*).

Предполагается, что «Слово» в составе Мусин-Пушкинского сборника (конволюта) было написано в XVI в. полууставом, переходящим в скоропись. Графика и орфография списка отражала второе южнославянское влияние. Оригинал, таким образом, мог послужить памятником, написанный уставом, старшим или младшим полууставом.

Можно представить следующую цепочку шагов, приведших к искажению оригинала. У словоформы *вѣрѣнъ*:

²⁸ Имеются основания полагать, что словоформы *бергат—верген* образовывали устойчивую пару, что вело к замещению инициальной согласной. См.: «Саждали за столы — те за дубовые, / И за те ли скатертки верчатые» (Рыбн. № 197).

²⁹ См.: «вертела бы в рукавцы во рукавные» (Рыбн. № 155).

³⁰ Творогов О. В. О выносных буквах в русских рукописях XVI—XVII веков // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 164.

а. Первую букву *в* переписчик прочитал как *б*. Типология написания данных графем чрезвычайно близка, поэтому спутать их представлялось весьма возможным и в уставном, и в полууставном письме. Достаточно было не дотянуть верхнюю петлю (треугольник) к левосторонней вертикальной основе буквы. Унификация графем происходила и с появлением овальных начертаний (*у в* с отдельными петлями; ср.: *б Б* – *в В*).

б. Надстрочную букву *ч* с покрытием типа *ч* переписчик под влиянием корневого *бѣбр-/бѣбер-* (из «Повести об Акире Премудром»), интерпретировал как надстрочную букву *б*, которая в скорописи выглядела как *б̣*: *вѣрнѣ → вѣрнѣ → вѣр̣(*v)нѣ.

С палеографической точки зрения заслуживает обсуждения и эпитет *бергатъ*. Буква *б* в позиции начала слова находит соответствие в форме *бѣбрянъ*. Появление *б* на месте *з*, как и в предыдущем случае, можно попытаться объяснить за счет использования надстрочной буквы *ч*. В свою очередь переход *-тъ* в *-нѣ* обосновывается вариативностью написания ера (*ѣ*) и буквы *т*. В переписываемом оригинале могло быть использовано трехмачтовое *т* и *з*. Сочетание *-тъ* с незначительным или отсутствующим пробелом между буквами (такие случаи встречаются, особенно там, где в целях экономии текст «сжимается») переписчик воспринял как комбинацию *н* (с незначительным наклоном перекладки сверху) и ера *ѣ* (с засечкой слева, опускающейся до земли). Имеется немало примеров, где *-тъ* и *-нѣ* расшифровать можно только по контексту *тѣтъ*.

Таким образом, приведенные палеографические аргументы допускают возможность того, что на месте *бѣбрянъ рукавъ* в протографе находилось словосочетание *вергенъ рукавъ*. Словоформа *бергатъ*, требующая проверки и дополнительных уточнений, сужает время появления протографа до периода действия второго южнославянского влияния.

Привносит ли словосочетание *вергенъ рукавъ* в плач Ярославны бóльшую ясность?

Признак рукава, выраженный причастием страдательного залога прошедшего времени, тесно связан со средневековыми реалиями, а именно, с особенностями кроя женской одежды. К сожалению, мы располагаем скудными сведениями по древнерусскому костюму романского периода. Немногочисленные и фрагментарные археологические находки в основном ограничиваются похоронной сферой, поэтому незаменимым источником сведений становятся книжные миниатюры, фрески, иконы, предметы прикладного искусства. Реконструкции древнего костюма также способствуют письменные свидетельства X–XIII вв. и богатый этнографический материал. Имеющиеся в распоряжении исследователей данные легли в основу ряда обобщающих работ по истории древнерусского костюма.³¹

³¹ Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986; Арциховский А. В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969; Сабурова М. А. Древнерусский костюм // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984; Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М., 1994; Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Относительно рукавов женского платья сложилось общепринятое представление, что у некоторых нарядов рукава значительно превышали длину рук. На запястьях такие рукава поддерживались «наручами», которые нередко находят в женских захоронениях икладах домонгольского периода. Конечно, далеко не все модницы Киевской Руси (и то состоятельные) могли позволить себе створчатые браслеты, поэтому наверняка существовала техника «закручивания» длинного рукава и без помощи ювелирного изделия.³² В более поздний период, XIV—XVII вв., когда наручи вышли из употребления, между локтевым и плечевым суставами делались разрезы, куда просовывались руки (такую практику нельзя исключать и применительно к домонгольскому периоду). Сами рукава, длина которых достигала 150—250 см, завязывали узлом, обматывали вокруг шеи.³³

Отдельно необходимо остановится на так называемой обрядовой рубахе. Наряд с рукавами до земли, рассматриваемый исследователями как ритуальный, изображен на браслетах-наручах. Такой же тип костюма находим на миниатюре Радзивилловской летописи (f. 6r), иллюстрирующей, как предполагают некоторые исследователи, русальский танец. Последнее обстоятельство послужило основанием для соотнесения длинного рукава именно с празднованиями в память умерших. На самом деле область использования «русальской рубахи» могла быть значительно шире. Этнографические данные показывают, что длиннорукавку на Русском Севере одевали во время свадебного обряда: «Из обрядовых рубах Олонецкой губернии известны “плакальные” рубахи или “маховки”. Эти рубахи невесты надевали перед венцом и, прощаясь с родителями, махали длинными концами рукавов по полу и вокруг головы. Рукава плакальных рубах узкие и удлиненные (до 100 см каждый), с длинным острым клином со стороны спины».³⁴ Нельзя исключить и внеобрядовое использование длинного рукава, например, в ситуации почестного пира (в Западной Европе подобный крой выдавал лишь социальную принадлежность владельца одежды: чем длиннее рукав — тем богаче).

Вышеизложенные сведения помогают конкретизировать причастие *вергень*. Словосочетание *вергень рукав* может иметь утилитарный оттенок, обозначать конкретный способ ношения длинного рукава, т. е. ‘широкий длинный рукав за-/об-вернутый вокруг руки’. Помимо этого (или одновременно с этим), *вергень рукав* может обозначать ритуальное действие — ‘длинный рукав, которым вертят, машут, вращают во время обряда’. Особенно значима параллель со свадебным ритуалом. Отглагольное *вергень* (← *вертеть*) в комбинации с рукавом может выступать эквивалентом «плакальной рубахи» — *маховки* (← гл. *махать*). Примечательна тожде-

³² Надо полагать, что браслет-наруч не избавлял от всех хлопот с длинным (часто расширяющимся к низу) рукавом. Если бы рукав каким-то образом не сворачивали, то закрепленный в запястье он все равно бы свисал с руки вниз и полностью заслонял ювелирное изделие.

³³ Забелин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 232.

³⁴ Тазихина Л. В. Север европейской части РСФСР (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Петербургская губернии) // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 133.



Рис. 1. Сцена танца в Радзивилловской летописи (f. 6r).

ственная жанровая принадлежность: Ярославна плачется по мужу; невеста, исполняя плач, расстается с родителями.

Так или иначе, эпитет *верген* в словосочетании *верген рукав* выражает не идеализированную сущность, а дифференциальный признак обозначаемого предмета, на основании которого (признака образа действия) сам предмет соотносится с определенным классом или видом, т. е. *верген* функционирует как логическое определение.

Былинный узус при изображении рукава женского платья («Лебедь Белая снимает с своей руки *верген рукав*») позволяет предположить наличие в «Слове» еще одной важной семантической составляющей. В плаче Ярославны, так же как в плаче Добрыни и в былине о Потыке, речь идет, по всей видимости, о съёмном, накладном рукаве. Т. е. семантическое поле рассматриваемого причастия, вероятно, имело семы 'наживленный', 'съёмный', 'накладной, второй, внешний', 'декоративный'. Кроме аналогии с устно-поэтическим эпосом в подтверждение данной трактовки можно привести следующие аргументы.

Во-первых, накладной рукав делает плач Ярославны логичным. Начнем *in contrarium*. Предположим, что княгиня одета в платье, длинный втачной рукав которого накрепко пришит к пройме. В таком наряде можно прекрасно размахивать рукавами по полу и вокруг головы, однако героиня собирается вытирать кровавые раны. Иными словами, Ярославна намеревается заниматься делом, но *спустя рукава* — в прямом значении данного фразеологизма. Неудобства, вытекающие из такого поведения, вполне очевидны. Достаточно представить бобровой шкуркой окаймленный полутораметровый рукав под тяжестью воды свисающий к земле. Справиться с задачей, т. е. очистить раны, наверное, при большом желании можно, но воображаемая сцена выглядит неестественно. Другое дело, когда речь идет о рукаве съёмном (накладном).

Во-вторых, какова бы ни была связь с обрядом, рубаху с длинным рукавом трудно считать повседневной. Ее одевали по определенным торжествам, в судьбоносные моменты жизни. Кажется маловероятным, чтобы женщины XII в. в своем небольшом (по нашим меркам) гардеробе держали специальное платье, которое надевали только раз в году (на русалии) или раз в жизни (уходя из отчего дома). Судя по свидетельствам этнографов, женщины берегли только одежду, в которой шли под венец, причем «венчальная рубаха, обычно сохранявшаяся всю жизнь, часто служила и погребальной».³⁵ Свадебная «плакательная» или же «убивальная» рубаха носилась «по печали» до венца, ее каким-то особым образом не сохраняли.

Оправданно думать, что повседневная одежда характеризовалась полифункциональностью. Для того или иного ритуала обычную рубаху подобающим образом приспособляли (на время ритуального действия), т. е. в нашем случае наживляли длинным рукавом. Такой, на скорую нитку подхваченный накладной рукав при необходимости можно было сорвать с руки. Как бы то ни было, на сегодняшний день ни одной длиннорукавки X—XIII вв. не обнаружено, что свидетельствует об окказионально-спорадическом характере такого наряда. Располагаем лишь схематическими изображениями. На некоторых возможно усмотреть и место шва, между плечевым суставом и локтем: браслет-наруч из Старорязанского клада 1966 г., киевский браслет XII в.



Рис. 2. Браслеты-наручи

Слева: киевский браслет XII в. (репродукция по: Рыбаков Б. А. Русалии и бог Смарггл-переплут // СА. 1967. № 2. С. 109); справа: браслет из Старорязанского клада (репродукция по: Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Старорязанский клад 1966 года // Там же. С. 213).

В-третьих, широкое хождение съемных, накладных, а также фальшивых рукавов прекрасно иллюстрирует западноевропейская мода романского периода. Историю и специфику средневекового рукава емко охарактеризовал И. Ц. Болдано: «В средние века появились рукава, напоминающие

³⁵ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах... С. 85.

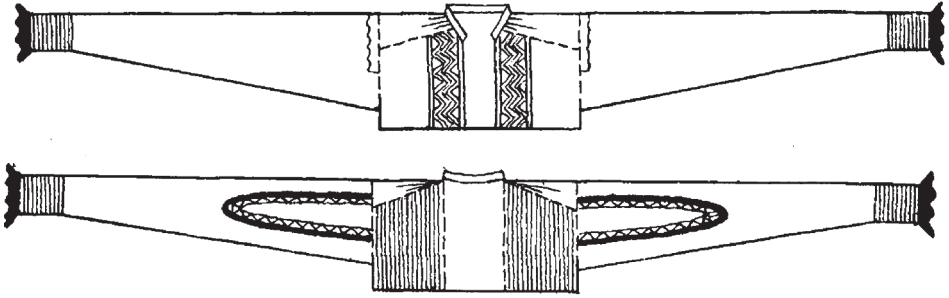


Рис. 3. Плакальная рубаха-«маховка»

Репродукция по: Тазихина Л. В. Север европейской части РСФСР (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Петербургская губернии) // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 133.

современный втачной, они еще не пришивались к одежде, а привязывались или приметывались на живую нитку. В XII—XV вв., и даже позже, верхние рукава представляли собой отдельный, богато декорированный предмет одежды. Такие рукава носили с разным платьем, они могли входить в состав приданого или быть дорогим подарком. Во время турнира рыцарь мог прикрепить рукав возлюбленной к шлему или воспользоваться им в качестве знамени». ³⁶ Спорадические и фрагментарные археологические памятники не подтверждают существования в Киевской Руси съёмного рукава, тем не менее, учитывая тесные культурные и династические контакты, нет причин предполагать, что древнерусский костюм отличался от своего западноевропейского аналога. О наличии съёмных аксессуаров косвенно свидетельствует русская фразеология: «на живую/скорую руку/нитку», «наживить на живулку» и т. д.

Важно отметить, что, будучи самостоятельным предметом одежды, рукав имел функции, странные с точки зрения современного человека. Рукав выполнял знаковую функцию: обозначал сословную принадлежность его носителя, символизировал объект поклонения, выступал в роли знамени, выражал восхищение или благодарность. Не менее важно утилитарное предназначение: самостоятельную часть одежды, находящуюся всегда «под рукой», использовали в заговорах, рукавом пользовались как карманом ³⁷ и, конечно, как платком-полотенцем. *Верген рукав* в былинах совсем не случайно становится синонимом полотёнушка-полотнища. Именно в таком ключе целесообразно воспринимать и рукав Ярославны.

Наконец, в-четвертых, поведение Ярославны, как его позволяет интерпретировать реконструируемое словосочетание **вергенъ рукавъ*, типологически согласуется с поведенческой моделью во пленицы. Княгиня срывает с руки накладной рукав, омачивает его в воде и пользуется им как платком. Здесь для нас важно то, что героиня разрушает целостность своей одежды

³⁶ Балдано И. Ц. Мода XX века: Энциклопедия. М., 2002. С. 316.

³⁷ Действия Царевны Лягушки и ее невесток в волшебной сказке АТ402; «добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет» (у В. И. Даля).

(ср. фразеологизм «рвать [на себе] рубаху», т. е. демонстративно выражать свои чувства). Напрашивается аналогия с похоронно-поминальной обрядностью — похороны у многих народов сопровождались ритуалом разрывания одежды.

Реконструкция, основанная на аналогии и типологических параллелях, может показаться громоздкой. Однако было бы ошибочно полагать, что информация, вкладываемая в текст древнерусского произведения, выражена подспудно, каким-то косвенно-имплицитным способом. Выражение *вергенъ рукавъ* требует объемного обоснования только в настоящее время, причем исчезновение реалии предопределяет использование описательного метода. В период, когда реалия существовала и имела свое наименование, объяснять данное выражение не было нужды. Для писателя XII в. было избыточным распространяться (ср. былины), что верченый рукав княгини является съемным и т. д. Все это подразумевалось, т. е. информация передавалась по умолчанию.

По мере того как логическое определение выходит из употребления, текст в глазах переписчиков лишается семантической связности. И это неудивительно, потому что и сам рукав в XVI в. осмыслялся уже совсем по-другому. Рукав, бывший когда-то важным аксессуаром, самостоятельным предметом одежды, стал неотъемлемой частью любого платья. Кардинально изменились и его функции. Поэтому переписчик, незнакомый с реалиями древности, преобразует фрагмент и вместо логического определения использует идеализирующий эпитет.

Итак, конъектура, предлагаемая в данной статье для плача Ярославны, имеет оправдание, ибо хрестоматийное чтение *бебрянъ рукав* при ближайшем рассмотрении трещит по швам. Существует целый ряд формальных и семантических препятствий, указывающих на то, что переписчик на какой-то стадии существования рукописного памятника исказил оригинальную форму. Для серьезных сомнений в подлинности *бебрянъ* *‘бобровый’ достаточно уже одного того, что непосредственно перед Словом находилась «Повесть об Акире Премудром», где применительно к одежде употреблены словоформы *бебромъ* и *беберъ*.

Предлагаемая конъектура обосновывается русскими былинами (поэтика которых чрезвычайно близка к «Слову»), где рукав женского платья изображен как самостоятельный предмет одежды (в функциональном плане исполняющий роль полотенца) и назван (в древнейшей и целиком сохранившейся записи былины) при помощи краткого причастия *верген* (семантический альтернат: *бергат*). Былинный *верген рукав* отражает характеристические особенности древнего костюма, в частности, специфику кроя и ношения/использования рукава в домонгольский период.

Преобразование *вергенъ* в *бебрянъ* находит потенциальное объяснение в кириллической палеографии: *вѣрѣнъ → вѣрѣнъ → вѣрѣ(*v)нъ.

Реинтерпретация оригинала, т. е. прочтение *бебрянъ* вместо *вергенъ*, согласуется с закономерностями изменения эпического канона: превращаясь в архаизмы, логические определения уходят на периферию, а затем и вовсе забываются. Соответственно логическое определение *вергенъ* заменяет идеализирующий эпитет, неологизм *бебрянъ* ‘бобровый’.

Учитывая значение выражения **вергенъ рукавъ*, семантику первой реплики вопленицы можно интерпретировать следующим образом: «Полечу кукушкой по Дунаю, омочу [сорванный с плеча длинный, съемный, накладной, пришитый на живую нитку] рукав в Каяле реке и [как полотенцем] утру князю кровавые раны».

Список сокращений

- Арх. — Архивный хронограф, третья четверть XV в. (РГАДА, ф. 181, № 279).
- Аст. — Былины Севера. Т. 2: Прионежье, Пинега, Поморье / Подгот. А. М. Астахова. М.; Л., 1951.
- БЗП — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т., М.; Л., 1949—1951.
- Григ. — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.: В 3 т. 2-е изд. / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2002—2003.
- Марк. — Беломорские старины и духовные стихи, собранные А. В. Марковым. СПб., 2002.
- Онч. — Печорские былины / Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.
- Пар.-Сойм. — Былины Пудожского края / Подгот. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941.
- РНП КП — Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989—1991.
- СА — Журнал «Советская археология».
- Сок.-Чич. — Онежские былины / Под ред. Ю. М. Соколова, В. Чичерова. М., 1948 (сер. «Летописи»; кн. 13).
- Черн. — Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева, Петрозаводск, 1981.